

Георгий
МОСЕШВИЛИ

ИЗБРАННОЕ

Георгий Мосешвили
Избранное. Том II

«Пробел-2000»

2014

УДК 821.161.1-1 Мосешвили
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Мосешвили Г. И.

Избранное. Том II / Г. И. Мосешвили — «Пробел-2000», 2014

ISBN 978-5-98604-447-7

Вашему вниманию представляется сборник стихов Георгия Мосешвили.

УДК 821.161.1-1 Мосешвили

ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-447-7

© Мосешвили Г. И., 2014

© Пробел-2000, 2014

Содержание

Стихотворения, не включенные в авторские сборники, незавершенное, наброски	7
«Вы задумались. Я молчу...»	7
Памяти Малера	8
Могила Пастернака	9
«За любовь твою ко мне Аллилуйя!..»	10
Саше Чёрному	11
«Дождь из перьев, пёрышки дождя...»	13
«Может быть, мечтою странной...»	14
«Над миром городов...»	15
Свобода	16
«Встретились на краткое мгновенье...»	17
Dead Babies[7]	18
Сожжённое сомненье	19
«Прощай, мой месяц, крёстный мой отец...»	20
«...И внимая тихому напеву...»	21
«Коль вернётся – что сказать...»	22
«За лицемерный смех души печальной...»	23
«Милое Прошлое – время вчерашнее...»	24
«Греховное – в своих железных латах...»	25
I	25
II	25
III	25
IV	26
Новая Весть	27
Авторизованный перевод из Метерлинка	28
«Истина немислима без чуда...»	29
Памяти Гумилёва	30
I	30
II	30
Сонеты памяти Че Гевары	31
«И восходило солнце над Москвой...»	33
«Прощайте все, прошу меня забыть...»	34
«Мне твердят, что я сентиментален...»	35
«Печален путь того, кто позабыт...»	36
«Незнакомый светлый лик...»	37
«Ночью нежный и неожиданный...»	38
«Тают звёзды золотые...»	39
«Жизнь всегда жива, а Смерть – мертва...»	40
Поэт	41
«Бедный раб, доколе нам терпеть?..»	42
«В небе – ни зги. Ливень. Гроза...»	43
«Я верю в то, что нет случайных встреч...»	44
«Есть ли в сомненьях смысл и какой?..»	45
«Когда Блок писал „Двенадцать“...»	48
Кривулин	49

«Дано в привычках нам и ощущениях...»	50
«В брошенной деревне...»	51
«Над домом поэта всегда – догорающий свет...»	52
«Воображение – суетный удел...»	53
«Две стрелы...»	54
«Век мой! Я ли жил...»	55
«Читать стихи Марины и совсем...»	57
Соло	58
«Сотрите с лиц следы тупого грима...»	59
«О тех, кто верует в Христа...»	60
«В полночь над Сенной пляшут тени...»	61
«Память, упавшая в Лету, не надо забвенья...»	62
Жемчужина	63
Подражание М.Ц.	64
«Есть в этом мире обители чистой святой тишины...»	65
«Я с Вечностью на ты. Но не запанибрата...»	66
«Я заключил себя в бумажный храм...»	67
«Слышу весть о Солнце! Мне ли...»	68
«Сначала клетку нарисуйте...»	69
«Вначале было Слово. Слово Бог...»	71
«Мир возвращается утром в покинутый дом...»	72
«Здравствуй, чистая Россия...»	73
Спичка	74
Сигарета	75
Пепельница	76
«Город, давно изнемогший от выпренных слов...»	77
Благословение	78
«Надежда на античность умерла...»	80
Tertium non datur[11]	81
«Пока не стало пылью звездных тел...»	82
«Братя, над нами чужой небосвод...»	83
«Услышь меня, пойми меня, пойми...»	84
«Вновь и вновь было утро – и воздух дрожал...»	85
«Смерть не лукавый приторный обман...»	86
«Никто не знал, когда настанет полдень...»	87
«На каждом окне – крест...»	88
«Вот дом, который построил Катулл...»	89
«То пламя, что, подобно мотыльку...»	90
«Скажи мне, Солнце, где тебя искать?...»	91
«Песочные часы...»	92
«И это грустное вино...»	93
«Джауфре Рюдель, любить издалика...»	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Георгий Мосешвили

Избранное. Том II

© Л. А. Пименова, 2014

© ПРОБЕЛ-2000, 2014

Стихотворения, не включенные в авторские сборники, незавершенное, наброски

«Вы задумались. Я молчу...»

Вы задумались. Я молчу.
Свет – в непроглядной мгле.
Не дай Бог погасить свечу,
Что горит на столе...

25.02.1974

Памяти Малера

*Я прикажу оркестру
Где-нибудь в людном месте...*

И. Северянин

Ночью, при ярком свете не фонарей – созвездий,
В час, когда в целом мире люди ложатся спать,
Я прикажу оркестру где-нибудь в людном месте
В память Густава Малера траурный марш играть...

Время его настало! Начинайте, маэстро!
Начинайте программу маршем в манере Калло.
Эй, счастливые люди! Слышите плач оркестра?
То над Добром убитым рыдает-хохочет Зло.

Лучше в костёр – живому, лучше к чертям – на вертел,
Чем, как святой Антоний, бесплодным огнём гореть.
Подлость и святотатство могут избежать смерти,
Но Доброта и Святость – обречены на смерть.

Пусть грохочут литавры, пусть безумствуют скрипки
В бешеном вихре скерцо, чтобы каждый готов
Был в этой страшно-сладкой дьяволовой улыбке
Видеть облик Кандидова «лучшего из миров».

Люди будут напрасно ждать в эту ночь рассвета,
Заслушавшееся Время остановит свой бег...
Наша больная совесть требует нас к ответу,
Малер сегодня ночью судит двадцатый век.

Подлость и святотатство, вам не уйти от мести!
В час, когда люди в городе будут спокойно спать,
Я прикажу оркестру где-нибудь в людном месте
В память Густава Малера «Песнь о Земле» играть.

1974

Могила Пастернака

Тихий свет звезды печальной,
Ожидание разлуки,
И симфонии прощальной
С неба льющиеся звуки,

И заката луч последний,
Словно царь над целым миром.
...Колокол звонит к обедне,
Но давно безмолвна лира...

1974

«За любовь твою ко мне Аллилуйя!..»

За любовь твою ко мне Аллилуйя!
За тепло весенних дней Аллилуйя!
За письмо моей любви Аллилуйя!
И за нежность губ твоих Аллилуйя!

За стихи в вечерний час Аллилуйя!
И за зелень этих глаз Аллилуйя!
За чудесный голос твой Аллилуйя!
За все дни мои с тобой Аллилуйя!

За восьмое декабря Аллилуйя!
За мои страдания зря Аллилуйя!
За отказ мне одному Аллилуйя!
За любовь твою к нему Аллилуйя!

1974

Саше Чёрному

Ох, уже эти мне дотошные потомки,
Любопытные Варвары всех времён!
Собирающих осколки да обломки
Прошлых лет число от века – легион.

В мемуарах старой дурочки-девицы
Чуть вранья – а уж потомки – тут как тут.
Что не сыщут – вспомнят деды-очевидцы,
Что не вспомнят – внуки сами приплетут.

Ах, поэзия двадцатого столетья —
Благовиднейший предлог для трепотни.
Ходасевич, мол, вращался в высшем свете,
И писал Волошин в стиле «Иверни»¹.

Я предвижу, что таким же тихим бредом
Нам проклятые потомки отомстят.
Станет Бродский нудным классиком-поэтом,
Чьи стихи тупые школьники твердят.

Кто-то страшный замечается на стуле,
Втиснув голову под лиственницы сень.
Бац! – статья: «Как редактировал Кривулин
Прогрессивный орган века «Тридцать Семь»².

Он напишет, что Охупкин³ был – пророком,
А Савицкий⁴ чисто выбритым ходил.
Раз пятнадцать перепутав Блоха⁵ с Блоком,
Он напишет, что Алейников не пил!

И добавит тоном, смешанным с слезою
(Были, мол, поэты, были, да ушли!),
Что печатался Алейников порою
В эротическом журнале «Ширали»⁶.

«В Драгомощенко стихах такая горечь, —
Он воскликнет, – что хоть падай, а хоть стой».
Он напишет, что пленяла Самойлович

¹ «Иверни» – сборник стихотворений М. А. Волошина.

² «37» – поэтический журнал, выходивший в Ленинграде в самиздате (1976–1981).

³ Олег Охупкин (1944–2008) – поэт, в 1970-е гг. активный деятель ленинградского самиздата.

⁴ Дмитрий Савицкий – поэт, писатель, ведущий радиостанции «Свобода».

⁵ Очевидно, подразумевается художник и издатель Максим Блох, адресат ряда юношеских стихотворений Георгия Мосешвили, учившийся с ним в одной школе.

⁶ Намек на поэта Виктора Ширали, в 1970-1980-е гг. деятеля ленинградского литературного андерграунда.

Современников предлинною косою...

«Дождь из перьев, пёрышки дождя...»

Дождь из перьев, пёрышки дождя...
Та, что вас любила – умерла.
Что вам нужно, птицы, от меня?
Перья капель, капельки пера...
Умерла ты – значит, умер я.
Я не знаю, где я и зачем.
Копоть капель, саван из дождя...
Но неужели больше никогда?
Копоть перьев. Так улетайте же, птицы,
И гнёзда оставьте. Что? Нет?
Это время не для перелётов?
Это неважно. Ласточки утра, летите из
комнаты прочь!
И вы прочь, вечерние птицы!
Что? Не хотите?
Останьтесь, тогда я уйду.
Сажу перьев – копотью дождя...
И я уйду. Моя судьба отчасти
Повсюду быть, отчасти быть нигде.
Останьтесь здесь, о ласточки несчастья,
В покинутом хозяином гнезде.

«**Может быть, мечтою странной...**»

Может быть, мечтою странной
Увлеклись сегодня Вы.
Вам казалось: Божий Ангел.
Это – зеркало, увы...

Волосы Элеоноры
Распустились на ветру.
Моему явился взору
Облик нежный поутру.

Несомненно, нет резона
Ревность мужа вспоминать.
Я, крылатый и влюблённый,
Научу и Вас летать.

Муза лжи колец нанижет
Вам презрительных речей
Пастуха, чья гордость выше,
Чем гордыня королей.

«Над миром городов...»

Над миром городов
Небесный град стоит.
Есть земли облаков
Над облачной землёю.
За веру тёмных снов
Господь меня простит,
Господь меня простит,
И будет свет – со мною.

Я верю в Божий свет
И в грозный Судный День,
Но есть иной обет —
Есть вера сновидений.
Без Бога чуда нет,
И сон – всего лишь тень,
И сон – всего лишь тень,
А я – лишь пленник тени.

О, это странный плен:
Так гаснет пламя свеч,
Так сумрачный Нерон
Сжигает стены Рима.
Не вырваться из стен,
Но невозможно сжечь,
Но невозможно сжечь
То, что неопалимо.

Ты истинно всеблаг,
Господь, а мы – грешны.
Огонь Суда зажжён
Над сумраком предместий.
Но если сгинет мрак,
Мои стихи и сны,
Мои стихи и сны
Умрут со мною вместе.

Свобода

А. Ч.

Вы, эксперты фальшивой страсти,
Святоши и дармоеды,
Помните ли, как Искатель Счастья
Учеником был предан?
Слышите: в горе своём застонали
Даже небесные своды?
Это люди Любовь распяли,
Это распяли Свободу!
Нам говорят о свободе серой
Под диктаторской тенью.
Он говорил о Свободе веры,
О Свободе прощенья.
Это слово рубили мечами,
Живым зарывали в землю,
Но люди планеты Земля веками
Этому слову внемлют.

Умиравший был во власти
Слишком страшного бреда:
«Помните ли, как Искатель Счастья
Учеником был предан?
Вы, которые растоптали
Пепел святой Руана,
Помните ли, как в костре сжигали
Тело живое Жанны?»

«Встретились на краткое мгновенье...»

Встретились на краткое мгновенье —
И навек прощаться им пора —
Девушка, живущая в Забвенье,
Юноша из вечного Вчера.

И была небесным откровеньем
(Чистый голос, быстрых рук игра!)
Девушка, живущая в Забвенье,
Юноше из вечного Вчера.

И я знаю: в смутный час волненья
Будет вспоминать по вечерам
О принцессе с Острова Забвенья
Юноша-мечтатель из Вчера...

Февраль-март 1975

Dead Babies⁷

Не рыдайте об умерших детях,
Их к себе на небо взял Христос,
Им не надо больше ваших денег,
Им не надо больше ваших слёз.

Ваши лица строги и серьёзны,
Сбросьте маску горя своего!
Плакать об умерших слишком поздно,
Им теперь не нужно ничего.

Мать рукой дрожащей поправляет
Локоны у бледного чела,
Плачет Джон и в голос Энн рыдает:
Маленькая Бетти умерла.

Над могилой насыпают землю
И уходят: дома ждёт еда...
Тихим летним днём земля приемлет
Маленькую Бетти навсегда.

Джонни продаёт автомобили,
Энн-сестрица замужем давно,
Маленькая Бетти спит в могиле,
Спит последним непробудным сном.

Год идёт за годом. Зимний ветер,
Как о чём-то чистом и святом,
Плачет по ночам о крошке Бетти,
Спящей под заржавленным крестом...

Не рыдайте об умерших детях,
Им теперь не надо ваших слёз,
Утешайтесь: рай высок и светел
И к безгрешным милостив Христос.

Бросьте плакать об умерших детях,
Лить потоки лживых слёз, скорбя,
Спи спокойно, маленькая Бетти:
Мир был слишком грязен для тебя.

13.06.1975

⁷ Вариация на тему одноименной песни Элиса Купера.

Сожжѐнное сомненье

За горечь и презренье,
Обиды и прощенья,
За головокруженье
И яд бесценный стрел,

За чувств и дум смятенье,
Тревоги, треволненья,
Еретика Сомненье
Сжигают на костре.

Сжигают: слишком мрачен.
Сжигают: долг оплачен.
Сжигают: это значит —
Умри и замолчи.

А он горит – не плачет,
А он улыбку прячет,
И терпят неудачу
Не он – а палачи.

Он знал любви мученья,
Он знал нужду, гоненья,
Ни пыткой, ни сожженьем
Его нельзя сломить.

В костре сгорят поленья,
Из плоти – станет тенью
Владычество Сомненья
Над Богом и людьми.

3.08.1975

«Прощай, мой месяц, крёстный мой отец...»

Прощай, мой месяц, крёстный мой отец,
Ты покидаешь вновь меня. Быть может,
Разлука – навсегда? Меня тревожит
Не смерть, а ясной юности конец.

Прощай, ноябрь! Биением сердец
Двоих ты подарил мне жизнь. И что же?
Я мало жил, но слишком много прожил.
И заслужил и пропасть, и венец.

28.11.1975

«...И внимая тихому напеву...»

Люде Вайнзоф

...И внимая тихому напеву
В час восхода бледного светила,
Нарекли израильскую деву
Древнерусским именем – Людмила.

Нарекли – и хор благословений
Пели, улыбаясь вновь рождённой...
И склонялись к изголовью тени
Назарянина и Соломона.

А ребёнок спал. И невесомы,
Над его головкой сны витали.
Спал так безмятежно, что из дома
Вдруг ушли все беды и печали.

За окном благоухало лето,
Тёплый дождь на тишину обрушив.
И смеялся первый луч рассвета
На ресницах девочки уснувшей.

Осень 1975

«Коль вернётся – что сказать...»

– Коль вернётся – что сказать
Мне о смерти Вашей?
– Что ждала – да умерла,
Так и не дождавшись.

– Перед ним держать ответ,
Видно, мне придётся.
– Будьте с ним нежны. Ему
Может быть, взгрустнётся.

– Что ответить, коль о Вас
Спросит он печально?
– Ничего. Пусть он возьмёт
Перстень мой венчальный.

– Ну а спросит: почему
Комната пустует?
– Пусть слуга откроет дверь
И свечу задует.

– Что она в последний час, —
Спросит, – говорила?
– Улыбнулась, чтоб не лил
Слёз напрасных милый...

1.12.1975

«За лицемерный смех души печальной...»

*Зеркальный дом для зрячего урода
М. Блох*

За лицемерный смех души печальной,
За предсказанья сбывшихся времён
Не в замок Иф – я во дворец хрустальный
Своих стихов навеки заточён.

Здесь бьёт фонтан вина, течёт рекою
Шампанское! Я – раб и господин.
Небрежный жест – и вот передо мною
Курится фимиам, горит камин.

Исполненный добра и благородства,
Иду пустынной анфиладой зал.
Но я – урод. И всё моё уродство
Живёт со мною в тысячах зеркал.

Я бью их днём и ночью, но – напрасно,
И двойники в лицо смеются мне.
Смыкаю веки – облик безобразный
Является ко мне в кошмарном сне.

Бегу – за мной несутся отраженья,
Рыдаю – плачут зеркала, скорбя.
Мне во дворце зеркальном нет спасенья
Не от врага – от самого себя.

О, где найти приют душе печальной?
Что мне все беды будущих времён?
Что замок Иф? Я во дворец зеркальный
Своих стихов навеки заключён.

15–16.12.1975

«Милое Прошлое – время вчерашнее...»

Милое Прошлое – время вчерашнее,
Грустное, светлое – словно закат.
Снов невесомей, видений миражное,
Час?.. или день?.. или год назад?

Милое Прошлое – время забытое
В воды летейские канувших дней.
Звёзды далёкие, грёзы разбитые,
Ставшие Прошлым жизни моей.

Милое Прошлое – время, что пройдено,
Пурпур заката и неба сирень...
Милое Прошлое! Вечная Родина:
С боем часов умирающий день.

12.01–19.12.1975

«Греховное – в своих железных латах...»

I

Греховное – в своих железных латах,
Великое – в отчаянье святом
Молилось войско рыцарей распятых,
Молилось о победе над врагом.

Под рёв звериный боевого рога,
Свет призывая, проклиная тьму,
Святой отец молитвой славил Бога,
И войско хором вторило ему.

II

«Нет в мире властелина, кроме шаха», —
Так пел мулла, и повторял Восток:
«Нет Бога, кроме грозного Аллаха,
И Магомет – единственный пророк.

Покорность – вот призванье человека,
Одна лишь в мире истина – Коран,
Нет города, священнее, чем Мекка,
Нет правоверных, кроме мусульман».

«Всех непокорных ожидает плаха», —
Так пел мулла, и повторял Восток:
«Нет Бога, кроме грозного Аллаха
И Магомет – единственный пророк».

III

Лютер, святой в камзоле потёртом,
Ясным взором провидевший тьму,
Гневно швырял чернильницу в чёрта,
Ежели тот являлся ему.

Жил, как отшельник, просто и строго,
И заплатил дорогой ценой
Лишь за войну с наместником Бога
И за победу над Сатаной.

IV

Добрый католик, он вечно твердит
Молитвы, их смысла не разумея.
Он верует тихо и тихо блудит,
И ненавидит в душе евреев...

Совесьть его перед Богом чиста,
Ибо в Евангелии говорится
О том, что евреи распяли Христа,
А Магдалина была блудницей.

1975–1976

Новая Весть

Это Новое Слово,
новое Слово слов.
Кровь и Тело Христово —
это мой хлеб и кров.

Это сама природа
в колокол века бьет.
Новое время года —
Времени Новый год.

[1975–1976]

Авторизованный перевод из Метерлинка

Я весь глаза. Не надо истин.
Ты прав, Господь. Из века в век
На белый снег слетают листья,
Летит на пламя белый снег.

Часы всё так же время бьют,
И солнце за окном всё то же.
И дни умершие встают
Вновь предо мной, мой сон тревожа.

Ни тьмы ночей, ни неба сини
В глазах уснувших нет, но там
Есть мука жаждущих в пустыне,
Свет солнца, отданный цветам.

4.01.1976

«Истина немислима без чуда...»

Истина немислима без чуда,
Невозможен Бог без Люцифера,
Невозможен без Христа Иуда,
Если нет сомнений, где же вера?

Роскошь нищетой одной богата,
Острослов бессилен без тупицы,
Месяц невозможен без заката,
А в руках людей без клетки – птица.
Нет веселья без смертельной скуки,
Остановки – без движенья дальше.
Встреча есть предвестие разлуки,
Обещанья – лишь пустые звуки,
И, увы, нет истины без фальши.

26.01.1976

Памяти Гумилёва

I

Забвенья проведя черту,
Чтоб ум смущённый не тревожить,
Вы захотели красоту
Ружейным залпом уничтожить.

Но, возведя на высоту
Ту чернь, которой нет презренной,
Что вы убили? Миф? Мечту?
Но смерти нет для сновидений.

II

О, беспощадная судьба —
Толпа, которой всё едино.
...Как смели вы рукой раба
Касаться тела господина!

О, мертвенная бледность лба!
Рыдайте, музы... Данте... Где-то...
...Как смели вы рукой раба
Убить солдата и поэта?

18.11.1976

Сонеты памяти Че Гевары

Последний рыцарь умер на земле.
Я плачу в полутёмном зале бара.
«Прощайте, commandante Che Guevara» —
Я вижу надпись – кровью на стекле.

Соломинки... Бокалы на столе...
Веселием безумствует гитара...
Я вижу выстрел – отблеском пожара,
И женский смех витает в полумгле.

О, ненависть! Воспрянь в моей груди!
О, разум светлый мой, не уходи,
Останься на одно ещё мгновенье!

Но разум лёгкой тенью прочь летит.
О, дамы, господа, нам нет спасенья:
Последний рыцарь на земле – убит.

* * *

Останься на одно ещё мгновенье,
Побудь со мною, давний мой кумир.
Здесь, глядя на чужой весёлый мир,
Я буду говорить с твоею тенью.

Я жив – а ты оставил этот мир.
Мне сил не суждено найти для мщенья.
Но если на том свете есть прощенье,
Прости меня за это, командир.

Прости неясность слов моих, герой,
Я был бы счастлив умереть с тобой,
Когда бы время нас не разделило.

О, если б ты был жив, а я – убит!
Ответь мне, разум, где его могила?
Но разум лёгкой тенью прочь летит.

* * *

Я вижу выстрел – отблеском пожара.
И кровь из раны – пламенем костра.
И Смерть – Любви жестокая сестра —
Тебе приносит славу, Че Гевара.

Я знаю, что смертельного удара
Боль, словно лезвие ножа, остра.
И смерть в бою – почти всегда быстра,
А Слава – тень непринятого дара.

Но только Че Гевары больше нет.
На Кубе занимается рассвет,
А над Москвой ночная вьюга веет...

И полон бар, и все навеселе,
В моих глазах пожаром кровь алеет,
И женский смех витает в полумгле.

Ноябрь 1976

«И восходило солнце над Москвой...»

И восходило солнце над Москвой,
И август месяц золотом сверкал,
И девушка, рождённая слепой,
В реке, как будто в лучшем из зеркал,

Искала отражение своё
И не могла найти его, пока
Живыми изумруды глаз её
Не отразила зрячая река.

1.12.1976

«Прощайте все, прошу меня забыть...»

Прощайте все, прошу меня забыть,
Вас, нищие, и вас, сыны фортуны,
Вас, викинги, вас, римляне, вас, гунны.
Прощённый всеми – всех хочу простить.

Прощайте все, прошу меня забыть.
Прощай и ты – огонь моей свободы,
Ты, небосвод, и вы, морские воды,
И ты, страна, где суждено мне жить.

Прощайте все, прошу меня забыть.
Прощайте вы, друзья моей неволи,
И вы, красавицы, которых боле,
Чем жизнь свою, сумел я полюбить.

Прощайте все, прошу меня забыть.
Прощай, мой брат, безумный и беспечный,
Прости мне этих слов порядок вечный:
«Прощайте все, прошу меня забыть».

Январь 1977

«Мне твердят, что я сентиментален...»

Мне твердят, что я сентиментален.
Что ж, не отрицаю, господа!
Ваш уютный мир салонов-спален
Мне чужим останется всегда.

С ранних лет мне близок, кто печален.
Вы же, в чьих сердцах лишь холод льда,
Радуйтесь! О, я сентиментален,
И я этим счастлив, господа!

12.01.1977

«Печален путь того, кто позабыт...»

Печален путь того, кто позабыт
Форгуною, кто любит безответно,
В чьём сердце пламень дружбы не горит
И чьи молитвы искренние – тщетны.

Сей жребий – твой, поэт. О нём скорбя,
Восславь его печалью слов свободных.
Страшней всего, мой друг, – забыть себя
В сомнениях и поисках бесплодных.

Март 1977

«Незнакомый светлый лик...»

Марине Тимониной

Незнакомый светлый лик —
Ваш сомнительный двойник:
Выраженье удивленья
Тем, что тесный мир – велик.

Сверху – вниз – сквозь лица – взгляд,
Взгляд-разлука, взгляд-разлад.
Ожиданье обещанья
И неведение преград.

Сопряженье странных слов,
Слов-сомнений, слов-основ,
И – презренье к предсказаниям
И к несбыточности снов.

15.03.1977

«Ночью нежный и неожиданный...»

Ночью нежный и неожиданный
В наши окна гость стучится.
То – Бессонница. И странный
Облик знаков вереницы
Принимают. И сияньем
Звёздным залиты страницы,
А Бессонница дрожаньем
Слёз нисходит на ресницы.

Март 1977

«Тают звёзды золотые...»

Тают звёзды золотые
В ярком пламени денницы.
Бога милости святыя
Славят радостные птицы.

Тенью розовой трепещут
Облака в лазурной пене,
И огонь восхода блещет
Светом высших откровений.

Март 1977

«Жизнь всегда жива, а Смерть – мертва...»

Жизнь всегда жива, а Смерть – мертва.

Умирают лица, но не Лик.
Vita brevis – лживые слова.
Вечна жизнь, а Смерть – лишь краткий миг.

Умирают души, но не Дух.
Умирает грешник, но не Грех.
Наша жизнь – вращающийся круг,
И его вращенью нет помех.

Умирают боги, но не Бог,
Умирают звёзды, но не Свет.
Есть – томленье суетных дорог,
Есть – порог, а Смерти в мире – нет.

Апрель 1977

Поэт (подражание Бродскому)

Поэт есть тот, у кого крадут,
Над кем извечно заносят кнут,
Распятые – коему нет конца.
Не от тернового ли венца

Раны, поэт, на твоём челе?
Не в галилейской ли ты земле
Девой Пречистой был рождён?
Счастье, поэт, – это только сон...

Впрочем, во сне, наяву, – везде —
Слава Распятого на Кресте,
Роскошь того, кто и нищ и наг, —
Вот твоё счастье, поэт. Итак

(Мы отклонились...), поэт есть тот,
Кто не испрашивает щедрот
Ни у имущих (над чернью!) власть,
Ни у плебеев, готовых пасть

Ниц перед сильным. Готовый сжечь
Мир – лишь бы сбросить оковы с плеч.
Праздная сытость – удел глупцов.
Прочь эту маску, поэт! Лицо

Мага, проникшего в тайны книг,
Даже уродливое, есть – лик.
Облик не важен – важны слова
Вещие. Пусть о тебе молва

Сплетни разносит на злых устах.
Слава, поэт, – это только прах.
Время, поэт, – это только миг
Или же – вечность. Юнец? Старик?

Возраст неважен. Над всеми – Бог.
Жизнь есть сплетенье людских дорог
(О, перекрёстки встреч и разлук!),
Всё мирозданье, поэт, есть круг

Первый. Десятый же круг, поэт, —
Смерть. Но для избранных смерти – нет.

Май 1977

«Бедный раб, доколе нам терпеть?..»

Бедный раб, доколе нам терпеть?
Горек плод бездействия пустого.
Если господин поднимет плеть,
Нам в ответ не вымолвить и слова.

Наши унижения – смешны
И безвестны наши возмущенья.
Бедный раб, страдания страны —
Обвиненье нашему терпенью.

Май 1977

«В небе – ни зги. Ливень. Гроза...»

В небе – ни зги. Ливень. Гроза.
Молнии нить.
Пани Ирен! Ваши глаза
Трудно забыть...

Словно гроза хочет разбить
Линии стен.
Ваши глаза трудно забыть,
Леди Ирен...

Что мне гроза!
Можно ведь спать, уши заткнув.
Как бы прогнать эти глаза...
А то – не усну.

2.06.1977

«Я верю в то, что нет случайных встреч...»

Я верю в то, что нет случайных встреч,
И наша встреча тоже не случайна.
(В случайностях подчас необычайный
Есть смысл). И нас уже не убережь

От дней грядущих. Путь из них любой
Пока для нас пребудет светлой тайной.
О, наша встреча не была случайной,
Мы не могли не встретиться с тобой.

4.06.1977

«Есть ли в сомненьях смысл и какой?..»

Есть ли в сомненьях смысл и какой?
Впрочем, если и есть, то – случайный.
Высшая тайна – в том, что тайны
не существует как таковой.

Из сокровенных ночных глубин
путь к мелководью полудня – пройден.
Поиск ориентиров – бесплоден.
Есть ли смысл в измерениях длин?

Или широт? (долгота есть бред)
Или длиннот – на фальшивой ноте
времени, коего бег – в полёте.
Есть ли смысл в исчисленьях лет?

Или же... или же смысл этой жизни есть —
искоренение осложнений
всех измерений, всех исчислений,
прочих сомнений, которым несть

даже числа? (нет! Число им – тьма)
Ночь. Глубина до донного ила,
вычерпать тьмы океан – по силам
только лишь тем, кто сошёл с ума,

впрочем... впрочем, безумен любой из нас.
Полностью – все и отчасти – каждый.
Шизофрения извечной жажды
смысла – всегда сегодня, сейчас!

Только не завтра (боязнь времён
будущих) – завтрашний день – опасен
страхом! И не во вчера: неясен
наш в нём исход, ибо мост сожжён.

Те же слепые – вожди слепых.
Что потеряли – того не видим.
Время же вечности – *Semper Idem*⁸ —
нами потеряно. Меж иных

наших занятий, бездумных дел
мало ль найдётся, во имя которых
пепел мы превращаем в порох,

⁸ Всегда одно и то же (лат.).

порох – в прах убиенных тел,

ибо...ибо убийствами длится мир.
Ад Алигьери, Босховы черти,
пир Вальсингама в лагере смерти —
перемешались. Зенит и надир

скоро покинут свои места,
дабы не видеть смерти достойных.
Есть ли смысл в бесконечных войнах,
разъединяющих наши уста,

чтобы...чтобы не соединялись – впредь...
и не тянулись друг к другу. Властью
силы мы сами сводим к несчастью
радость, заносим над счастьем плеть.

Смерть? Но что для Любви – умереть?
Снова она возродится из пены.
Всё, кроме страшной пытки измены,
тело Любви способно стерпеть.

Только измена имеет власть
над непокорной Любовью. Вечен
их поединок. Успех обеспечен
только измене. Легко попасть

в сети её. От холодных ран
стрел её – сердцу нет излечения.
Есть ли смысл в любовных мученьях,
если слова о любви – обман?

Если...если нищий равен королю,
если не четыре – дважды два...
Ноль, увы, равняется нулю,
ибо пустота – всегда жива.

Ибо пустота – извечный круг,
замкнутый вращением времён.
Ибо тишиною полон звук,
полон осязаемостью – сон.

Между словом «да» и словом «нет» —
некая незримая черта.
На вопросы Вечности ответ —
цифра ноль – святая простота.

Если шторм опасен кораблю,
если штиль есть гибель для него,

значит, ноль равняется нулю
(равенство всего и ничего).

Сколько же он велик и сколько же мал!
Ноль! Экватор? Твёрдая вода?
Ох, Господь, однако, и задал
нам головоломку, господа!

Не гадайте, ибо не дана
человеку истина сия.
В мире существует лишь одна
формула земного бытия.

Июль-август 1977

«Когда Блок писал „Двенадцать“...»

Когда Блок писал «Двенадцать»,
Он был зол.
Когда Платонов писал «Чевенгур»,
Он был зол.
Когда Борис Пастернак писал
Свой знаменитый роман,
Он опять-таки
Был зол.
Ненависть!
Вот что может создать
Гениальное произведение.
Ибо, как говорит Булгаков,
Мир невозможен без теней.
Но ненависть невозможна
Без любви.
Ненависть должна быть светлой.
Без Иисуса Христа в конце
Поэма «Двенадцать» была бы
Бредом.
Чтобы описание человеческой
Трагедии
Стало гениальным произведением,
Необходим
Белый
Венчик
Из роз.

Август 1977

Кривулин

Виктор Кривулин, мудрец и эстет,
Ищет в религии смысл бытия.
Мёртвый Христос, улыбаясь в ответ,
Шепчет: «Да сбудется воля твоя...»

Виктор Кривулин смыкает глаза...
Знаков и цифр за окном хоровод.
Тройка... семёрка... а вместо туза —
Буквочка «Г» – сокращённое «год».

Дьявольской меткой отмечен журнал⁹.
Номер квартиры – могильным крестом.
Некий опальный поэт умирал,
Кажется, тоже в тридцать седьмом.

Виктор Кривулин рыдает навзрыд:
«Боже, помилуй, спаси, помоги!..»
Дьявол круги за окном мастерит,
Первый... девятый... чертит круги.

Виктор Кривулин, опальный поэт,
Ищет в поэзии смысл бытия.
Мёртвый Кузмин, улыбаясь в ответ,
Шепчет: «Да сбудется воля твоя».

Август 1977

⁹ Самиздатский журнал «37», который выпускал Виктор Кривулин.

«Дано в привычках нам и ощущениях...»

Дано в привычках нам и ощущениях
Какое-то незримое родство,
Безумное смешенье: волшебство
И будничность обманутого зренья,

И трижды повторённое одно
Свершенья мысли, слова и творенья,
И вечное единство повторенья
В неясных ощущениях нам дано...

1977

«В брошенной деревне...»

В брошенной деревне
На исходе дня
Тихо Время дремлет,
Греясь у огня.

Гостем Дождь заходит
В опустевший дом.
Время о погоде
Говорит с Дождём...

В брошенной деревне,
Ветхой и больной,
Умирает Время
За чужой стеной.

Лишь часы маячат
В тихой темноте.
Дождь и Время плачут
О чужой беде...

Ноябрь 1977

«Над домом поэта всегда – догорающий свет...»

Над домом поэта всегда – догорающий свет.
Над словом поэта всегда – ощущение тайны.
Налево – знамения света и слов не случайны.
Направо – ни дома, ни тайны давно уже нет.

Над телом поэта всегда – современников суд.
Над тенью поэта всегда – пересуды потомков.
Налево – одно из имён назовут вам негромко;
Направо же – в списки десятки других занесут.

Над жизнью поэта всегда – ожиданье конца.
Над смертью поэта всегда – дуновение славы.
Налево – признание, портреты, венки...
А направо —
Презренье невежды и недоуменье слепца.

Ноябрь 1977

«Воображенье – суетный удел...»

Воображенье – суетный удел
Поэта, музыканта и бродяги.
Мы все тоскуем по плащу и шпаге,
Нам кажется, что все мы – не у дел.

Воображенье – время, годы, дни...
Участники печальной пантомимы,
Мы ищем то, что невообразимо...
О, Господи, спаси и сохрани!

«Две стрелы...»

Две стрелы.
Движение по кругу.
Маятник почти что невесом.
Месяц май.
Двенадцать.
Ближе к югу
Солнце.
Люди, вспомнив о своём
счастье,
поднимаются с постели,
одеваются,
куда-нибудь
тихо направляются
без цели.
Две стрелы
указывают
путь.

«Век мой! Я ли жил...»

Век мой! Я ли жил
под синим солнцем Крыма,
взглядом останавливая
облака?
Жизнь моя ни с чем
не была сравнима,
как изгиб реки,
жизнь была легка.

Лёгкою рукой
с камешками моря
капельки дождя я
собирал в горсти.
Руки целовал
смуглолицей Флоре,
при дворе дриад
будучи в чести.

Велика ли честь?
С черноморской влагой
в чаше дня смешав
чистое вино,
медлил я прочесть
книгу Карадага,
видя в глубине
золотое дно.

Золотой мой век
не имел начала,
он не знал границ,
но имел конец.
Перейдя мостки
древнего причала,
минул я твоё
устье, Ингулец.

Пантикапей! Здесь
сны мои ютились,
в письменах твоих
на листах дерев.
Велика ли честь —
явь? — когда нам снились
золотых веков
строчки — нараспев.

Где ты, певчих снов
длительная глосса?
Что осталось нам?
Лишь сердец союз.
Подмосковный лес.
Память. Знак вопроса.
Знак молчанья. Речь
полусонных муз.

Музыка! С тобой
свита Аполлона!
Сны молчат. Но ты
до сих пор живёшь
в нас. И ныне мы,
как во время оно,
истиной твоей
проверяем ложь.

В водах древних рек
время быстротечно,
вечен лишь один
Бог. Но если так,
золотой наш век
вечен, ибо вечны
музыка,
стихи,
Солнце,
Карадаг.

«Читать стихи Марины и совсем...»

Читать стихи Марины и совсем
Не думать о постывших наважденьях,
Жестокости, о суетных движеньях
Земных или же Солнечных систем.

Кому-то снится сон
О вечности времён;
Кому-то виден свет
Звезды, которой – нет;
Кому-то слышен зов
Литых колоколов,
А мне ни звёзд, ни снов не знать —
Твои стихи читать.

На очертаньях птиц уснувший взор
Остановить, полёта ожидая.
В полотна Доменико Гирландайо
Входить – как во дворец или в собор.

Кому-то падать ниц
Пред сонмом светлых лиц.
Кому-то – мерить бег
Быстротекущих рек.
Кому-то строить дом
На острове пустом,
А мне – в твоих полотнах жить,
Тебя благодарить.

Искать в картинах или же в словах,
В реальном мире действий несомненных
Тебя. Быть отражением Елены
Прекрасной в неотступных зеркалах.

Кому-то снится свет
Быстротекущих лет,
Кому-то строить мост
Над сонмом светлых звёзд,
Кому-то слышен зов
Пустынных островов,
А мне – твои лишь руки греть,
С тобою – умереть.

Декабрь 1977

Соло

Я запомнил, как кровь
Наполняла ладонь —
Это красный огонь,
Это красный огонь.

Я не помню, зачем,
Я не помню, когда
Я ушёл от тебя,
Я ушёл навсегда.

Я запомнил, что ночь
Была слишком темна,
Ночь кошмарного сна,
Ночь кровавого сна.

Я не помню ни звёзд
В небесах, ни луны,
Только свет тишины,
Только страх тишины.

Я запомнил в крови
Утопавший восход,
Это страшный исход,
Это смертный исход.

Мой конец будет прост,
Ведь от ног моих мост
Перекинут до звёзд,
А потом – на погост.

«Сотрите с лиц следы тупого грима...»

Я рос тебе чужим, отверженный народ...

Надсон

Сотрите с лиц следы тупого грима.
Пусть вам сердца изранят стрелы слов!
Отверженный народ, людьми гонимый,
Я бросил вызов тьме твоих врагов.

С огромным, но облитым кровью сердцем,
Расстрелянный, сожжённый, но живой,
Святой народ, в чьей памяти Освенцим
И Бабий Яр – кровавой пленой.

«О тех, кто верует в Христа...»

О тех, кто верует в Христа
И поклоняется Иуде,
О тех, чья совесть нечиста,
Чьи речи – россыпь словоблудий,
Кто в меру хвалит и клянёт
В других безверие и веру,
Кто в меру жрёт и в меру лжёт
И распинает – тоже в меру,

О тех, кто верует, что Бог
Простит любые прегрешенья,
Для коих трусость – не порок,
Но грех – малейшее сомненье,
Чьи речи – мёдом на устах,
Поющих Господу Осанну,
Сжигавших с Библией в руках
В огне костра святую Жанну,

О тех, кто лгал и кто молчал,
Но Божьему молился Сыну,
О тех, кто молча предавал
И Мандельштама, и Марину,
И кто, читая их теперь,
Помянет Господа при этом,
О них, в свой дом открывших дверь
Ещё не преданным поэтам,

Молись о них, святой отец,
Проси прощения – Иуде,
Предавших Господа конец
Страшней иных греховных судеб.
Молись о них, святой монах,
Погрызших в лести и во блуде,
Пусть их простят на небесах,
Прощенья на земле – не будет.

«В полночь над Сеной пляшут тени...»

В полночь над Сеной пляшут тени...
Время по-прежнему идёт...
Сена по-прежнему течёт,
Но жизнь Парижу не вернёт
Былое время...

Где ты теперь, Париж, стоявший
На одиноком островке?
Город, рождённый на реке,
Но не потопленный никем
И бед не знавший...

Где ты теперь, Париж Сорбонны,
Еретиков и сорванцов,
Прямо святым отцам в лицо
Бросавших крепкое словцо
Франсуа Вийона...

Где ты, Париж средневековый,
Город соборов и мостов,
Узеньких улиц и дворов,
Давно разрушенных домов,
Париж лиловый...

«Память, упавшая в Лету, не надо забвенья...»

Л.Б.

Память, упавшая в Лету, не надо забвенья.
Вечность не помнит о веке и месяц о дне.
Бабочки Времени машут крылами в огне.
Дни предаются бесплотному самосожженью.

Ночь наступает – и мир умирает во сне.
Время, как бабочка, ждёт своего пробужденья.
Память, упавшая в Лету, покойся на дне.
Я закрываю глаза перед собственной тенью.

23.09.1978

Жемчужина

Мне скучно с вами, женщины земли,
Вам нет числа, ракушки без жемчужин,
Но ваш постылый панцирь мне не нужен,
А жемчуг сохранить вы не смогли.

Жар-птицею горит в слепом огне
Ваш хворост эротических истерик.
Ракушки море выбросит на берег,
Жемчужины останутся на дне.

Мне скучно с вами, юноши земли.
Любой из нас безумием недужен.
Скажите мне, искатели жемчужин,
Ценою жизни что вы обрели?

За женской тенью Данте сходит в ад,
За ней же поднимается на небо.
Отказываясь от воды и хлеба,
Мы веруем в дурацкий маскарад.

Недолог век. Считаете ли дни,
Вы, неженки, тепличные растенья,
Для коих жизнь – желанье наслажденья,
А смерть – предлог для праздной болтовни?

Мне скучно с вами, люди. Вечен свет.
Волненья тела можно успокоить.
Но скольких же страданий будет стоить
Жемчужина, которой в мире нет!

8.11.1978

Подражание М.Ц.

*Никаких земель
Не открыть – вдвоем*

Марина Цветаева

Одинок не тот
Кто всегда – один
Не один ли черт —
Раб иль господин

Что – свистящий кнут?
Что – согбенность спин?
Господи, Твой суд
Господи, Твой Сын.

Есть иной отсчет
(Что там – бег минут?)
Время вечно лжет
Если люди лгут.

Есть отсчет чужбин
И неверных вех
Твой, Антихрист, spleen
Твой, Антихрист, смех.

«Есть в этом мире обители чистой святой тишины...»

Есть в этом мире обители чистой святой тишины
Дева Мария живет в Ченстохове на Ясной горе
Сколько б ни жили мы, видим мы вечные сны
Вечные сны о высокой нездешней стране

Там, за окладом из золота вечный сияет рассвет
Свет возникает из Слова, и лик возникает из слез
Сколько б ни жили мы – сумрак бессмысленных лет
Тает на Пасху, когда воскресает Христос

Лето уходит, и зимнее время звенит в серебре...

«Я с Вечностью на ты. Но не запанибрата...»

Я с Вечностью на ты. Но не запанибрата,
А просто потому, что мы давно друзья.
Она стучится в дверь. – Скажи, к тебе нельзя?
– Пожалуйста, входи. Вина нет – вот досада...

И летний вечер тих – и тих наш разговор
О том, что «никогда», о том, что «будет время».
В её живых глазах – вопрос или укор?
– С кем празднуешь? – Один. С кем молишься? – Со всеми.

«Я заключил себя в бумажный храм...»

Я заключил себя в бумажный храм
Поэзии неганных поверий.
Колонны стен – и ни единой двери,
И окон нет, и доступа врагам.

А, впрочем, может быть, наоборот,
Неведомо врагам, что здесь – твердыня,
И мне грозит забвением отныне
Готовый рухнуть неприступный свод.

«Слышу весть о Солнце! Мне ли...»

Слышу весть о Солнце! Мне ли
Не воспеть восход светила.
В оно время Руставели
Славил имя Автандила.
Зависти своей не скрою;
Мне с Великим не сравниться.
Я, певец, перед тобою —
Лишь пылинка на странице,
Но, однако, дерзновенный
Прославляю то же имя.
Как словами мне земными
Петь о радости священной?
Петь о витязя отваге
И красе его невесты?
Как построить из бумаги
Храм Венеры или Весты?
Не тебя ли наградила
Жизнь, сестра моя, сегодня?
Кто прекрасней Автандила,
Кто смелей и благородней?
Если день сегодня минет —
Пусть останется – стихами.
Будьте счастливы отныне,
Ибо весть о Солнце – с вами.

«Сначала клетку нарисуйте...»

Сначала клетку нарисуйте
С открытой дверцей,
А затем
Прекрасное, простое что-нибудь
Для птицы
И поместите вашу клетку
В сад иль в рощу – всё равно,
А сами спрячьтесь
За деревом. Отныне
Одно лишь вам: безмолвно ждать
Осталось.
Бывает – птица сразу прилетит,
Однако,
Быть может, много лет вам ждать
Придётся, пока она явится соизволит,
Но только не отчаивайтесь.
Значит, терпения
Набраться вам придётся,
Ведь время ожидания не влияет
На то, живым ли будет полотно.
Когда же прилетит она
Однажды
(коль прилетит вообще),
То снова ждите. Ждите,
Пока она войдёт в свой дом
Из прутьев.
Здесь тихо дверцу вы должны
Закрыть,
А дальше – нарисуйте
Шелест ветра и ветвь
Прекраснейшего из дерев,
И также пыль лучей,
Пыль света Солнца,
И шум листвы, и голоса зверей,
И снова ждите.
Вскоре ваша птица
Должна запеть. Итак,
Услышав пенье, должны вы знать,
Что это – знак удачи,
Удачи полотна. Ну а молчанье,
Наоборот, есть неудачи признак.
Но если ваша пленница
Запела, то это означает,
Что вы вправе
Поставить на портрете ваше имя.

Тогда должны у ней перо
Вы незаметно вырвать
И имя ваше
В полотно вписать.

«Вначале было Слово. Слово Бог...»

Вначале было Слово. Слово Бог —¹⁰
Начало Слова. Альфа и омега —
Конец начала. Семидневный срок
Был дан из бездны созданному его.

И в понедельник бездна стала дном,
Соединившим воды и пустыни.
Во вторник мы решили строить дом
На золотом песке и чёрной глине.

В четверг был дом построен из среды,
А в пятницу на землю пали звёзды,
Сожгли наш дом и замели следы.
Мы ждали смерти – было слишком поздно.

В субботу ждали Страшного Суда,
Надеялись, что, смерти незаметней,
Падёт на нас последняя звезда
Благословить нас горечью последней.

Мы ждали, что приидет благодать
И снимет с нас печати всех заклятий.
Прошло шесть дней – и мы устали ждать
Седьмого дня Господней благодати.

¹⁰ Стихотворение в переработанном виде вошло в книгу «Празднество нищих»

«Мир возвращается утром в покинутый дом...»

Мир возвращается утром в покинутый дом,
Солнечный свет из окна переходит на стены,
Ветер уносит из комнаты тени измены
И ожидает хозяина в доме пустом.

Хмурый хозяин, прошедший бессонную ночь
На площадях и проспектах холодной столицы,
Молча проходит по скверу, листая страницы
Памяти и изгоняя видения прочь.

Только вернувшись, он в смутном бреду полусна
Слышит, как ветер играет на солнечной скрипке.
Губы его замирают в спокойной улыбке.
Мир возвратился – и значит, вернётся весна.

16.01.1979

«Здравствуй, чистая Россия...»

Здравствуй, чистая Россия,
Край, где все равны.
Где мундиры голубые
Власти лишены,

Где на вечной тройке Время
Двигается вперёд,
Где законы строги с теми,
Кто пешком идёт.

Здравствуй, край – спаситель мира,
Радостный Эдем,
Где не умолкает лира
Тех, кто глух и нем.

Здравствуй, мачеха-отчизна
Множества племён,
Неизбежный, ненавистный
Новый Вавилон.

18.01.1979

Спичка

Я спичкой, как смычком,
Касаюсь коробка,
И вспыхивает мир
Любовью к красоте.

Огонь равняет век
Смычка и мотылька,
Но музыка ещё
Мерцает в темноте.

Сигарета

Огня без дыма нет,
Как дыма без огня,
И пламенный аккорд
Так тает, словно дым.

Он вьётся надо мной,
И он – внутри меня.
Что делать мне, Господь,
С безумием моим?

Пепельница

Пепельница, бедный мой, заплёванный мой друг,
Не покинь меня, странное создание.
Наш с тобой удел – словно подаянье,
Пепел принимать из знакомых рук.

Как твоя доверчиво протянута ладонь.
Не покинь меня, добрая подруга.
Нам не излечить тяжкого недуга
Чёрной благодарности за святой огонь.

Вечно пепел наших душ и наших дел храня,
Как ты терпишь боль – и хранишь молчанье.
Не покинь меня, хрупкое создание,
Молчаливый друг, не суди меня.

1.02.1979

«Город, давно изнемогший от выпранных слов...»

Город, давно изнемогший от выпранных слов,
Недостижимый и скорбный полуночный город,
Ты полагаешь основой прочих основ
Камень, который слепыми руками расколот.

Ты, словно звёздам, часам начинаешь отсчёт
Против вращения железной стрелы циферблата.
Город, источник забвения вечно течёт,
И к твоим бредням вчерашним не будет возврата.

Город, не верь сновиденьям мостов и камней,
Вечность рассудит все наши ночные раздоры.
Ночь угасает – и над колыбелью твоей
Солнце тебе возвращает бессмертие, город.

Март 1979

Благословение

Моих друзей случайные слова
Напоминают мне о чувстве долга
Перед воображением. Недолго
Идти до Рубикона, – и едва
Лишь перейдя, сжигаю все мосты,
Ведущие от берега поэмы
Назад, а также белые листы
Бумаги, все галеры и триремы,
Сонанты, силлогизмы и морфемы,
И те сосуды, что всегда пусты.

Осуществить задумав сей поход,
И избираю тактикой – движенье.
Победа или даже поражение —
Лишь средства продвижения (вперёд
Или назад – неважно, ибо цель
Любого шага – только бесконечность),
Как говорит сеньор Джауфре Рюдель,
Любовь издалека и бессердечность
Суть – разные понятия: только вечность
Равняет летний ливень и метель.

Поэмой называю я родство
Меж тем, что было прежде, есть и будет,
И пусть меня ревнитель Формы судит
За то, что изменил я естество
Классической поэмы. Только мне
Не разделить на части сочетанья.
И музыка, горящая в огне,
И гордость, что живёт на подаянье,
Неразделимы. Лишь одно молчанье
Их разделить сумело бы вполне.

Но Время нас не ждёт – и говорить
Приходится, пожалуй, поневоле.
Грамматика Времени, увы, не боле
Чем правило: её легко забыть,
Но нелегко постичь. Из века в век
События и даты жизни – тленны,
Меняются созвездья, русла рек,
Но правила всё так же неизменны.
Узнать разгадку? Будь благословенна
Твоя попытка, смертный человек.

Прошу благословения у вас,

Оракулы, провидцы, звездочёты,
Пророки Воскресенья и Субботы,
Я верил вам всегда – и вот сейчас
Вы будете со мною в той стране,
Где разве только вымысле реален,
На празднестве, в огне и на войне,
Где дух ваш будет весел и печален,
В стране, где лёд блестит среди проталин
И тень Зимы ответствует Весне.

О, времена вращения Земли,
У вас теперь прошу благословенья,
Благословите дерзкое стремленье
Вернуть те дни, что некогда ушли,
Остановить Сегодня силой слов
И предсказать по знакам Зодиака
Грядущее (от равенства Весов
До знака Скорпиона вплоть). Однако
Поэма ждёт. Так некогда Итака
Ждала царя – и он услышал зов.

Итак, я отдаю на строгий суд
Читателя поэму без сюжета,
Поэму, где ни одного предмета
Не назову, где лишь одни приметы
Времён их поимённо назовут.
Отныне вспять минуты потекут,
Жизнь явится в зеркальной оболочке
Перед тобой, читатель. Только Лета
Нам сохраняет память. Только строчки
Стихов насущный хлеб в себе несут.

Декабрь 1978 – октябрь 1979

«Надежда на античность умерла...»

Надежда на античность умерла
На переломе тёмного столетья,
И мнится нам расставленную сетью
Грядущее. О смерти нам рекла

Кассандра. Но грядущий век манит
Иной надеждой – верой в Возрожденье,
И вновь невняты нам предупрежденья
Немногих, кто о смерти говорит.

2.12.1979

Tertium non datur¹¹

Я – Локи, вездесущая молва,
Я – Гелиос, всевидящий цветок,
Языческий неприрученный бог.
А вы – всего лишь мёртвая трава.

Я – тот, кто объявил земле войну,
Я вызывал сожженье без числа,
Языческий союз добра и зла.
А вы – всего лишь пепел на ветру.

Я дал вам выбор: Солнце или мгла,
Я дал вам выбор: сгнить или сгореть,
Я дал бессмертным – счастье умереть.
А вы – всего лишь бранные тела.

16.12.1979

¹¹ Третьего не дано (лат.).

«Пока не стало пылью звездных тел...»

Пока не стало пылью звездных тел
То, что моей душой звалось когда-то,
Люби меня, пока я не успел
Уйти туда, откуда нет возврата.

Пока еще живет вечерний свет
И нас не развела судьба ночная,
Люби меня, пока на свете нет
Верней слуги у Королевы Мая.

Запомни, от единственной весны
Недалеко до осени последней...

«Братья, над нами чужой небосвод...»

Братья, над нами чужой небосвод
И недоступные облака.
Может быть, здесь свой исток берёт
Царства теней река.
Братья, река забвенья несёт
Нынешний день и ушедший год
В будущие века.

Братья, под нами чужая земля,
Ветром и волками стёртый след.
Распре нищего и короля
Места в изгнание нет.
Братья, не нам горевать, доля
Реки, дороги, леса, поля —
Родины больше нет.

Братья, за нами чужая молва
И неотступный следует страх.
Скоро с дерев упадёт листва
И обратится в прах.
Братья, не нами ли смерть жива.
Дрогнет Танат, услышав слова
Радости на устах.

2.01.1980

«Услышь меня, пойми меня, пойми...»

Услышь меня, пойми меня, пойми,
Войди со мною в тот незримый храм...
Мы были в Древней Греции детьми
И сказочным молились божествам.
И Афродита нам венки плела,
И Громовержец с нами говорил
На том, подобном клёкоту орла
Бессмертном языке небесных сил...

«Вновь и вновь было утро – и воздух дрожал...»

Вновь и вновь было утро – и воздух дрожал
От предчувствия снов и свободы.
Луч, как шустрая мышь, между штор пробежал
И сорвался со стенки комода.

Вновь и вновь было утро – и книг корешки
Западали, как в старом рояле,
Но на клавишах этих бессмертье души
Я теперь разыграю едва ли.

«Смерть не лукавый приторный обман...»

Смерть не лукавый приторный обман,
Не чёрный пёс, хромой и косоглазый.
Смерть не скелет, не бред чумной заразы,
Не призрак, что безумьем обуян.

Смерть не тюрьма, не каменные стены,
Смерть не припадок в брызгах белой пены,
Не кладбище, не траурный гранит.

Смерть – церковь с золотыми куполами,
Смерть – это Рай с блаженными садами,
Смерть – это мир, в котором Бог убит.

«Никто не знал, когда настанет полдень...»

Никто не знал, когда настанет полдень
И наконец придёт конец войне.
Никто не слушал сводки о погоде,
И каждый жил, как будто в полусне.

Был холод. На дорожных поворотах —
Сугробы. Тьма в колодезных дворах.
Был страх. И смерть. Но город полумёртвых
Ждал полдня – и бежали смерть и страх.

«На каждом окне – крест...»

На каждом окне – крест,
Чтоб ночью не жгли свет
В больницах, где нет мест,
В колодцах, где вод нет.

Но всё же горит месть
В сердцах. Пока жив век —
Нет хлеба? – но снег есть,
И мы будем есть снег.

И мы будем жить так,
Как будто врага нет,
Пока не умрёт мрак,
Пока не придёт свет.

«Вот дом, который построил Катулл...»

Вот дом, который построил Катулл,
чтоб оградить себя
и Лесбию. Вот стул.
Вот стол – и за столом – семья.

К чему смотреть на сучок в глазу,
если бревно – в стене.
Брёвна – в стене, и вода – в тазу,
то есть вода – в вине.

Что до вина, то зачем же пить
горечи полный плод.
Лучше приправить и подсластить
или наоборот
разбавить
и без конца толочь и мутить
в амфоре бездну вод.

Впрочем, вино, как всегда, ни при чём.
Речь не о нём. Вот стул.
(Начнём сначала). Вот стол. Вот дом,
который построил Катулл,

Чтоб оградить от случайных встреч
музу и чтобы впредь
было сподручнее встать и лечь
и спокойней сидеть,

Чтобы спокойней любить, и тем
более за стеной
каменной.
Крыша над домом надёжней, чем
небо над головой.

«То пламя, что, подобно мотыльку...»

То пламя, что, подобно мотыльку,
К гибели бессмысленно стремится,
В моей груди нежданно загорится,
Когда я горизонт пересеку.

То пламя, чьим живительным теплом
Под знаком Льва земное лето длится,
В моей любви свободой возродится,
Когда я стану пленным мотыльком.

«Скажи мне, Солнце, где тебя искать?..»

*Скажите, где, в какой стране
Прекрасная римлянка Флора?*

Ф. Вийон в переводе Н. Гумилёва

Скажи мне, Солнце, где тебя искать?
Мне говорят: Восток – страна восхода,
А Запада печальная свобода
Должна закатной кровью истекать.

Восток неблизок, что здесь толковать.
А Севером владеет непогода.
Но, может быть, на Юге небосвода
Ты скрылось, Солнце, чтобы согреть

Благословенный край своим теплом?
Но без тебя на Севере пустом
Настала осень в середине лета.

И кто мне скажет, где искать твой след?
Под Солнцем Ариадны больше нет.
И нет любви без солнечного света.

19.06.1980

«Песочные часы...»

Песочные часы
отсчитывают время
моей любви и
жизни.
Впрочем, всё равно
любовь и жизнь отныне
суть одно.
Как есть одно сопряжение
слов в поэме.
В поэме той, где нет
склоненья слов.
Где стоя непреклонным
строгим рядом
слова сопряжены
единым ладом
моей любви – последним из ладов.
Глаголы же любви сопряжены
всегда с одним
Евангелием Бога.
И счёт песчинкам заведён
так строго
всегда один – для мужа и жены.
И даже дерзкий
совершив побег
для слов любви пребудем мы
со всеми,
кому ещё отмеривают время
песочные часы
из века в век.

15.09.1980 Таллинн

«И это грустное вино...»

И это грустное вино,
И чистая тетрадь,
И книги, коих всё равно
Мне не перелистать.

И это тихое окно,
И добрая луна,
И фавны, коим не дано
Полуденного сна.

И это место, где темно,
И где равны вполне
И те, кто жив, и кто давно
Забылся в дивном сне.

16.12.1980

«Джауфре Рюдель, любить издалека...»

Джауфре Рюдель, любить издалека
Не значит ли – искать не удержи́мо
Не свет огня, но лёгкий призрак дыма,
Познав печаль, что словно дым легка.

Сжимает неподвижная рука
Тяжёлый меч – и цель недостижима,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.